

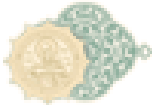
О М О Л И Т В Ъ.

Изъ системы философско-богословскихъ воззрѣній
А. С. Хомякова.

Высшимъ выраженіемъ единенія членовъ Церкви какъ между собою, такъ и съ ея главою, Иисусомъ Христомъ, служитъ *молитва*. Молитва—это высокое проявленіе живого, органическаго единства между нашимъ Спасителемъ и Его избранными. И это понятно. Спаситель живетъ въ Своей Церкви, Онъ живетъ въ насъ. Онъ ходатайствуетъ, а мы молимся; Онъ поручаетъ насъ благодати Божіей, а мы взаимно поручаемъ другъ друга своему Творцу; Онъ предлагаетъ Себя въ вѣчную жертву, а мы приносимъ Отцу эту жертву прославленія, благодаренія и умилостивленія за насъ самихъ и за всѣхъ нашихъ братьевъ какъ тѣхъ, которые пребываютъ еще въ опасностяхъ земной борьбы, такъ и тѣхъ, которыхъ смерть привела уже въ тихое, возносительное движеніе небснаго блаженства, какова бы затѣмъ ни была степень дарованной имъ славы—все равно. Въ нашей молитвѣ нѣтъ мѣста ни для вопросовъ, ни для сомнѣній, ибо мы молимся не въ духѣ страха, подобно рабамъ, не въ духѣ корысти, подобно наемникамъ, мы молимся въ духѣ сыновней любви, будучи по благодати усыновлены Богу нашимъ единеніемъ съ Сыномъ человѣческимъ, Иисусомъ праведнымъ, Сыномъ и вѣчнымъ Словомъ Отца щедротъ. Мы молимся потому, что не можемъ не молиться, и эта молитва всѣхъ о каждомъ и каждого о

Труды Киевской дух. Академіи, Т. I. 1907 г.

всѣхъ, постоянно испрашиваемая и постоянно даруемая, умоляющая и торжествующая въ то же время, всегда во имя Христа, нашего Спасителя, обращаемая къ его Отцу и Богу, есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выраженіе ея жизни, она глаголь ея любви, вѣчное дыханіе Духа Божія. Изъ сказаннаго ясно, что молитва, какъ и всякое другое проявленіе жизни и дѣятельности христіанина, свой истинный смыслъ, свою надлежачую силу и значеніе, получаетъ только въ Церкви. Мы знаемъ, говоритъ Хомяковъ, когда падаетъ кто изъ насъ, онъ падаетъ одинъ; но никто одинъ не спасается. Спасающійся же спасается въ Церкви, какъ членъ ея, и въ единствѣ со всѣми другими ея членами. Вѣруетъ ли кто, онъ въ общеніи вѣры; любитъ ли, онъ въ общеніи любви, молится ли, онъ въ общеніи молитвы. Посему никто не можетъ надѣяться на свою молитву, и всякій моляся просить всю Церковь о заступленіи, не такъ какъ бы сомнѣвался въ заступничествѣ единого ходатая Христа, но въ увѣренности, что вся Церковь всегда молится за всѣхъ своихъ членовъ. Молятся за насъ всѣ ангелы и апостолы, и мученики, и праотцы, и всѣхъ высшая Мать Господа нашего, и это святое единеніе есть истинная жизнь Церкви. Но если безпрестанно молится Церковь видимая и невидимая, зачѣмъ просимъ ее о молитвахъ? Зачѣмъ же, зачѣмъ мы просимъ милости у Бога и Христа, хотя милость Его предваряетъ нашу молитву. Потому именно и просимъ Церковь о молитвахъ, что знаемъ, что она и не просящему даетъ помощь своего заступленія и просящему даетъ несравненно болѣе, чѣмъ онъ проситъ: ибо въ ней поднота Духа Божьяго. Такъ и прославляемъ всѣхъ, кого Господь прославилъ и прославляетъ: ибо какъ скажемъ, что Христосъ въ насъ живетъ, если не уподобляемся Христу? Посему прославляемъ святыхъ и ангеловъ и пророковъ, но болѣе всѣхъ чистѣйшую Мать Господа Иисуса, не признавая Ее ни безгрѣшною, по рожденію, ни совершен-

пою (ибо абсолютно безгрѣшенъ и совершенъ одинъ Христосъ); но помня, что ея непонятное превосходство предъ всѣмъ Божиимъ твореніемъ засвидѣтельствовано ангеломъ и Елизаветою и болѣе всего Самимъ Спасителемъ, назначившимъ ей въ сыновнее повиновеніе и службу великаго апостола и тайновидца Іоанна.

Такъ же какъ каждый изъ насъ требуетъ молитвы отъ всѣхъ, такъ и онъ долженъ своими молитвами живымъ и усопшимъ и даже еще не рожденнымъ; ибо прося, чтобы міръ пришелъ въ разумъ Божій (какъ мы просимъ со всею Церковью), просимъ не за одни настоящія покодѣнія, но и за тѣ, которыя Богъ еще вызоветъ къ жизни. Молимся за живыхъ, дабы была на нихъ благодать Господа, и за усопшихъ, чтобы были они удостоены лицезрѣнія Божіаго. Но, молясь за усопшихъ, мы не знаемъ о среднемъ состояніи душъ, не принятыхъ въ царство Божіе и не осужденныхъ на муку, ибо о такомъ состояніи не получили мы ученія отъ апостоловъ, или отъ Христа; не признаемъ чистилища, т. е. очищенія душъ страданіями, отъ которыхъ можно откупиться дѣлами своими или чужими, ибо Церковь не знаетъ ни про спасеніе какими-бы то ни было внѣшними средствами и страданіями, кромѣ Христовыхъ, ни про торгъ съ Богомъ, откупающійся отъ страданія добрымъ дѣломъ. Мы молимся въ духѣ любви, зная, что никто не спасается иначе, какъ молитвою всей Церкви, въ которой живетъ Христосъ, зная и уповая, что покуда не пришло совершеніе времени, всѣ члены Церкви, живые и усопшіе, непрестанно совершенствуются взаимною молитвою. Много выше насъ святые, прославленные Богомъ; выше же всего Св. Церковь, вмѣщающая въ себѣ всѣхъ святыхъ и молящаяся за всѣхъ, какъ видно изъ боговдохновенной литургіи. Въ молитвѣ ея слышится и наша молитва, какъ бы мы ни были недостойны называться сынами Церкви. Если поклоняясь и славя святыхъ, мы просимъ, дабы прославилъ ихъ Богъ, то дѣлаемъ

это не потому, что придаемъ слишкомъ высокую цѣну своимъ молитвамъ, и поэтому не поддаемъ обвиненію въ гордости; ибо намъ, получившимъ позволеніе называть Бога Отцомъ, дано также позволеніе молиться: „да святится имя Его, да придетъ царствіе Его и да будетъ воля Его“. Если намъ позволено просить Бога, да прославить Онъ имя Свое, и совершаетъ волю Свою: кто намъ запретитъ просить, да прославитъ Онъ Своихъ святыхъ и да упокоитъ Онъ Своихъ избранныхъ? За неизбранныхъ же не молимся, какъ и Христосъ молился не о всемъ мірѣ, но о тѣхъ, кого далъ Ему Господь. Не говори: „какую молитву удѣлю живому или усопшему, когда моей молитвы недостаточно и для меня?“ ибо не умѣющей молиться, къ чему молился бы ты и за себя? Молится же въ тебѣ духъ любви. Также не говори: „къ чему моя молитва другому, когда онъ самъ молится и за него ходатайствуетъ Самъ Христосъ?“ Когда ты молишься, въ тебѣ молится духъ любви. Не говори: „Суда Божіаго измѣнить нельзя“, ибо твоя молитва сама въ путяхъ Божіихъ, и Богъ ее предвидѣлъ. Если ты членъ Церкви, то молитва твоя необходима для всѣхъ ея членовъ. Если же скажетъ рука, что ей не пужна кровь остального тѣла, и она своей крови ему не дастъ, рука отсохнетъ. Такъ и ты Церкви необходимъ, покуда ты въ ней; а если ты отказываешься отъ общенія, ты самъ погибаешь и не будешь уже членомъ Церкви. Церковь молится за всѣхъ, и мы вмѣстѣ молимся за всѣхъ; но молитва наша должна быть истинною и истиннымъ выраженіемъ любви, а не словеснымъ обрядомъ. Не умѣя всѣхъ любить, мы молимся о тѣхъ, кого любимъ, и молитва наша не лицемерна; просимъ же Бога, дабы можно было намъ всѣхъ любить и за всѣхъ молиться не лицемерно. Кровь же Церкви—взаимная молитва, и дыханіе ея—славословіе Божіе. Молимся въ духѣ любви, а не пользы, въ духѣ сыновней свободы, а не закона наемническаго, просящаго платы. Всякій спрашивающій: „какая

польза въ молитвѣ?“ признаетъ себя рабомъ. Молитва истинная есть истинная любовь.

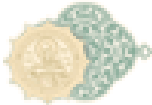
Изъ сказаннаго ясно, что истинно христіанская молитва характеризуется любовью. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ не можетъ быть и истинно христіанской молитвы. Побужденіемъ къ молитвѣ, слѣдовательно, должны служить не предписанія внѣшняго закона и не преслѣдованіе какихъ-нибудь практическихъ цѣлей: истинный мотивъ христіанской молитвы заключается въ потребности любви проявиться. И поэтому, какъ истинно христіанская любовь одинаково простирается на живыхъ и мертвыхъ, друзей и враговъ, святыхъ и грѣшниковъ, такъ и въ общеніи истинно христіанской молитвы находятся живые и мертвые, друзья и враги, святые и грѣшники, словомъ, всѣ члены единаго Церковнаго организма.

Но, признавая любовь неотъемлемою принадлежностью истинно-христіанской молитвы, необходимо помнить, что кореннымъ условіемъ, безъ котораго молитва невозможна, служить надежда. Обращеніе къ Богу съ молитвою возможно лишь при надеждѣ на милость Божию, благодаря которой наша молитва можетъ быть услышана. Безъ этой надежды человѣкъ никогда не посмѣлъ бы возводить очей своихъ къ небу и называть Бога своимъ Отцемъ. Вотъ почему, какъ богоугодное дѣло наиболѣе принадлежитъ любви, какъ богоугодное исповѣданіе наиболѣе принадлежитъ вѣрѣ, такъ богоугодная молитва наиболѣе принадлежитъ надеждѣ. Хотя каждое дѣйствіе Церкви, направляемое Духомъ Святымъ, духомъ жизни и истины, представляетъ совокупность всѣхъ Его даровъ—вѣры, надежды и любви.

Изъ установленнаго понятія о молитвѣ, какъ голоса любви, укрѣпляемомъ надеждою, совершенно естественно вытекаетъ понятіе и о сѣ главнѣйшихъ формахъ, въ которыхъ мы призываемъ, прославляемъ, величаемъ и благодаримъ Господа и тѣхъ, которыхъ онъ избралъ, прославилъ и возвеличилъ, и чрезъ которыхъ Онъ оказываетъ намъ Свои благодѣянія. Но наши молитвы имѣютъ характеръ не только

призыванія, прославленія, величанія и благодаренія, но и просьбы. Всякая обыкновенная просьба имѣетъ цѣлью склонить волю того, къ кому она обращена, къ извѣстному движенію въ пользу просящаго. Примѣнимо ли это понятіе о просьбѣ къ христіанской просительной молитвѣ, когда мы знаемъ, что любвеобильная воля Божія всегда готова излить на человѣка столько благодѣній, сколько онъ и не заслуживаетъ, и сколько даже воспринять не можетъ? Конечно, нѣтъ. Молитвенное обращеніе къ Богу съ просьбой имѣетъ другой смыслъ. Обращаясь въ молитвѣ къ Богу съ просьбой, вѣрующій этимъ самымъ признаетъ всемогущество воли Божіей, которой все, въ томъ числѣ и самъ онъ, должно покориться. Приводя же свою волю въ подчиненіе волѣ Божіей, молящійся этимъ самымъ устраняетъ то, что мѣшало ему быть достойнымъ благодѣній Божіихъ. Итакъ, истинный смыслъ просительной молитвы состоитъ не въ томъ, чтобы склонить волю Божію къ изліянію благодѣній, а въ томъ, чтобы сдѣлать волю просящаго достойною вгнѣхъ благодѣній, которыя безконечная любовь Божія всегда готова даровать въ достаточной полнотѣ. Исполненіе просьбы въ этомъ случаѣ является какъ бы ея естественнымъ логическимъ слѣдствіемъ. Вотъ почему прежде чѣмъ обращаться къ Отцу Небесному съ просьбой о насущномъ хлѣбѣ и объ оставленіи намъ долговъ нашихъ, мы должны просить—да будетъ воля Его и да придетъ царствіе Его яко на небеси, тако и на земли, помня заповѣдь Христову: ищите прежде царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ. Но если сущность просительной молитвы заключается въ покорности волѣ Божіей, то въ ней не должно быть мѣста ничему эгоистическому и вообще въ обращенной къ Богу молитвѣ личности не должно быть излишняго простора, что особенно слѣдуетъ сказать о тѣлесной сторонѣ нашего существа. Не нужно забывать, что молитва кромѣ покорности волѣ Божіей, требуетъ еще обновленнаго сердца и поэтому она не должна

рабствовать плоти, даже съ ея невинными желаніями. Намъ дозволено обращаться къ Богу съ просьбой только о насущномъ хлѣбѣ, и мы не должны злоупотреблять этимъ правомъ и не должны переносить въ молитву просьбы объ услажденіи нашей жизни. Впрочемъ, религіозно настроенный человѣкъ, въ истинно молитвенномъ настроеніи духа, и не станетъ приносить въ молитву подобной просьбы, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ себѣ; это нравственно невозможно. Что же касается нашихъ братій, то, наученные примѣромъ Самого Господа, превратившаго воду въ вино въ Канѣ Галилейской, давая волю своей любви къ нимъ, мы можемъ заботиться не только о ихъ существенныхъ нуждахъ, но и объ ихъ, такъ сказать, комфортѣ, если это не послужитъ препятствіемъ къ ихъ душевному спасенію.

Выше сказано, что исполненіе обращенной къ Богу просьбы является ея естественнымъ логическимъ слѣдствіемъ. По отношенію къ тѣмъ случаямъ, гдѣ дѣло идетъ о нашемъ нравственномъ совершенствованіи и спасеніи души, смыслъ этого положенія понятенъ. Обращаясь, напримѣръ, въ молитвѣ къ Богу съ просьбою спасти насъ отъ распутной жизни, мы искренно каемся въ своихъ грѣховныхъ поступкахъ и смиренно выражаемъ готовность подчинить свою волю дѣйствию божественной благодати, которая и помогаетъ намъ сойти съ пути порока и стать на путь добродѣтели. Естественность связи между просьбой и ея исполненіемъ здѣсь непосредственно очевидна. Спасаящая благодать дается всѣмъ, кто только ее ищетъ и кто достоинъ ее воспринять. Молитвенное обращеніе къ Богу съ горячей просьбой о спасеніи души, сопровождаемое соответствующимъ настроеніемъ воли, и есть исканіе благодати, которое, при данныхъ условіяхъ, уже само по себѣ дѣлаетъ человѣка достойнымъ послѣдней; а поэтому человѣкъ совершенно естественно получаетъ то, чего просить.

Другое дѣло, когда люди обращаются къ Богу съ просьбой о спасеніи ихъ отъ огня, мора, голода, землетрясе-

нія, потопа, между-усобиныхъ войнъ, нашествіи иноплеменниковъ и другихъ подобныхъ физическихъ бѣдствій, которыми они подвергаются часто не за свои личные грѣхи, а какъ дольники первороднаго грѣха, вслѣдствіе разлитой въ міръ его общей враждебности къ человѣку. Здѣсь человѣкъ страдаетъ не вслѣдствіе своей личной порочности, а вслѣдствіе неумолимой логичности міровыхъ законовъ: міровые законы суть законы Божественнаго разума, изъ подчиненія строю которыхъ человѣчество вышло въ первородномъ грѣхѣ, чѣмъ и поставило себя къ нимъ въ враждебное отношеніе. Чѣмъ стройнѣе и гармоничнѣе дѣйствуютъ міровые законы, тѣмъ пагубнѣе можетъ оказаться ихъ дѣйствіе для человѣчества, вышедшаго изъ ихъ строя, и оказавшагося съ ними, такъ сказать, въ разладѣ, слѣдствіемъ котораго и являются различнаго рода бѣдствія. Вотъ почему просить у Бога избавленія отъ различныхъ бѣдствій—это значитъ требовать измѣненія логическихъ законовъ мірозданія. Но возможно ли это? Богъ всегда умѣряетъ строгость логическаго закона, т. е. враждебность міра, который есть проявленная воля Божія къ человѣку, отвергнутому святость этой воли. Какимъ же образомъ можетъ человѣкъ испросить еще большаго умягченія закона въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, когда все, что можетъ быть сдѣлано въ этомъ отношеніи, уже сдѣлано и постоянно дѣлается въ общемъ смягченіи строгости къ человѣку логики мірозданія? Смягченія строгости физическихъ законовъ человѣкъ можетъ достигнуть такимъ же путемъ, какимъ онъ достигаетъ смягченія строгости законовъ нравственныхъ. Дѣло въ томъ, что законы нравственнаго міра такъ же неопредѣланы, какъ и законы міра физическаго и если тѣмъ не менѣе наша воля, совершенствуясь при помощи благодати, измѣняетъ насъ самихъ, а слѣдовательно, и наши отношенія къ Богу, то почему же та же воля, выраженная въ молитвѣ, не можетъ измѣнить и отношеній нашихъ къ міру внѣшнему, который есть про-

явленная воля Божія? Пояснимъ эту мысль примѣромъ. Я гордъ и прошу исправленія отъ гордости: я тону и прошу спасенія отъ воды. Гордость моя, такъ же, какъ и опасность моя, есть выводы изъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ, внутреннихъ поступковъ, увлекающихъ меня къ повымъ проступкамъ или порокамъ; а затѣмъ всѣмъ, воля подъ Божіимъ благословеніемъ останавливаетъ мое паденіе. Съ меньшею ясностью относится этотъ законъ и къ физической опасности. Та же воля Божія, которая смягчаетъ въ отношеніи къ намъ строгость нравственныхъ законовъ, она же смягчаетъ строгость и физическихъ законовъ, которые несколько не ограничиваютъ ея свободы. Физическіе законы суть выраженіе воли Божіей; но не оковы палоченныя на Его волю. Проявленіе такъ называемыхъ стихійныхъ силъ природы, дѣйствующихъ по своимъ законамъ съ слѣпою, повидимому, фатальностью, въ дѣйствительности ни на одно мгновеніе не выходитъ изъ-подъ воздѣйствія Божественнаго Промысла, безъ воли котораго ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣческой. Вотъ почему угрожающая намъ та или другая физическая опасность можетъ постигнуть насъ, какъ долишковъ грѣха: но мы можемъ и отвратить ее, отдавъ себя, такъ сказать, подъ охрану Божію, чего можемъ достигнуть въ пламенной молитвѣ. Наше спасеніе въ этомъ случаѣ, съ человѣческой точки зрѣнія, будетъ чудомъ; въ очахъ же Божіихъ оно есть лишь мановеніе Божественной воли, дающей торжество милости тамъ, гдѣ должна была совершиться одна лишь правда. Человѣкъ силою своей вѣры можетъ чудеса творить. Молитва въ данномъ случаѣ и есть выраженіе этой вѣры, имѣющей своимъ источникомъ любовь и получающей свою крѣпость въ надеждѣ. Любовь, вѣра и надежда—эти три важнѣйшихъ момента въ состояніи религіозно настроенной христіанской души, найдя соотвѣтствующее выраженіе въ пламенной молитвѣ, приводятъ волю человѣка въ гармо-

нію съ законами воли Божественной, которые вслѣдствіе этого изъ враждебныхъ челоѣку становятся благотѣльными.

Какъ свободный голось любви, молитва должна быть свободна. Свобода молитвы состоитъ въ соотвѣствіи формы живому давленію души, ищущему внѣшней формы для своего проявленія. Религіозное движеніе души можетъ быть безпредѣльно по своему разнообразію, а поэтому сковывать его ограниченою формою, втискивать его, такъ сказать, въ узкія шаблонныя рамки, это значитъ стѣснять свободу его проявленія, это то же, что мертвить быкую ключемъ жизнь. Молитва есть цвѣтъ жизни; какъ и всякій другой цвѣтъ, она обращается въ плодъ. Но въ то же время, подобно всякому другому цвѣту, она, если можно такъ выразиться, не лѣзетъ со своимъ великолѣпнымъ пѣнкомъ изъ лепестковъ и стѣнныхъ пучковъ, безъ стебля, листьевъ и корней, прямо изъ сухого песка, лишеннаго всякой растительности. Она можетъ возникнуть, какъ нѣкоторыя тропическія растенія, почти въ одинъ мигъ, съ необыкновенною красотою и блескомъ, или развиваться медленно, какъ столѣтній цвѣтъ; въ обоихъ случаяхъ ея развитіе необходимо предполагаетъ присутствіе жизненныхъ корней. Въ виду такой тѣсной, непосредственной связи молитвы съ жизнью, отрывать ее отъ послѣдней невозможно, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно и стѣснять свободу ея проявленія мертвымъ формализмомъ.

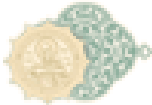
Форма молитвеннаго проявленія души многообразна. Самою естественною, самою выразительною, а потому самою цѣлесообразною формою является слово—произносимое или сопровождаемое пѣніемъ. Идеаломъ молитвы, выраженной словомъ какъ по своему происхожденію, такъ и по содержанію, должна быть признана, конечно, молитва Господня. Совершеннѣйшею же изъ молитвъ, созданныхъ христіанскою любовью, является Божественная литургія, въ которой выражается вся полнота ученія и духа церковнаго и выражается не

условными какими-нибудь знаками или символами, но словомъ жизни и истины, вдохновеннымъ свыше.

Но не въ одномъ только словѣ можетъ выражаться молитва. Трудъ на пользу ближняго, вызванный безкорыстной любовью къ нему, тоже есть молитва, и молитва не только высшая, чѣмъ бессознательное, чисто формальное, не сопровождаемое движеніемъ души, лепетаніе словъ, но высшая многихъ, гораздо болѣе разумныхъ молитвъ, которыя вызваны не христіанскою любовью, а эгоизмомъ. Молитва можетъ выражаться также и въ различныхъ тѣлодвиженіяхъ, каковы крестное знаменіе, возведеніе очей къ небу, наденіе на землю и др. Молятивное настроеніе души можетъ выражаться и посредствомъ изображенія предмета вѣры, надежды и любви на иконѣ. Церковь благословляетъ всё эти и подобныя имъ выраженія молятивнаго движенія души, если только въ нихъ форма не господствуетъ надъ духомъ, а служитъ лишь средствомъ для проявленія духа любви. Благословляя такое разумное пользованіе внѣшней формой, Церковь осуждаетъ тѣхъ, которые въ своей односторонности осуждаютъ внѣшнюю форму, лишая, такимъ образомъ, молитву естественности и свободы проявленія. Если ты, говоритъ Хомяковъ, не можешь выразить своей любви къ Богу словомъ, а выражаешь ее изображеніемъ видимымъ, т. е. иконою, осудить ли тебя Церковь? Нѣтъ; не осудитъ осуждающаго тебя, ибо онъ осуждаетъ твою любовь. Знаемъ, что и безъ иконы можно спастись и спасались, и если любовь твоя не требуетъ иконы, спасешься и безъ иконы; если же любовь брата твоего требуетъ иконы, ты, осуждая любовь брата, самъ себя осуждаешь, и если ты, будучи христіаниномъ, не смѣешь слушать безъ благоговѣнія молитву или духовную пѣснь, сложенную братомъ твоимъ, какъ смѣешь ты смотрѣть безъ благоговѣнія на икону, созданную его любовью, а не художествомъ? Самъ Господь, знающій тайну сердець, благовоилъ не разъ прославить молитву или пса-

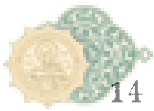
ломъ: запретить ли Ему прославить икону или гробы святыхъ? Скажешь ты: „Ветхій Завѣтъ запретить изображеніе Божіе“, но ты, хвастающійся тѣмъ, что болѣе святой Церкви понимаешь слова ея (т. е. писанія), не понимаешь того, что не изображеніе Божіе запретилъ Ветхій завѣтъ (ибо позволилъ и херувимовъ и мѣднаго змія и писаніе имени Божьяго), но запретилъ человѣку созидать себѣ Бога на подобіе какого-бы то ни было предмета земного или небеснаго, видимаго или даже воображаемаго. Пишешь ли ты икону для напоминанія о невидимомъ и вообразимомъ Богѣ,— ты не творишь себѣ кумира. Воображаешь ли себѣ Бога и думаешь, что Онъ похожъ на твое воображеніе, ты (и безъ вѣщнаго изображенія) ставишь себѣ кумирь,—таковъ смыслъ запрещенія Ветхаго Завѣта. Икона же, т. е. красками писанное имя Божіе, или изображеніе святыхъ Божіихъ, созданное любовью, не запрещается духомъ истины. Не говори: „перейдутъ же христіане къ идолопоклонству“; ибо духъ Христовъ, хранящій Церковь, премудрѣ твоей разсчетливой мудрости. Посему можешь и безъ иконы спастись, но не долженъ ты отвергать иконы. Вообще, Церковь принимаетъ всякій обрядъ, если онъ служитъ вѣщнымъ выраженіемъ внутренняго стремленія души къ Богу. И это понятно. Что такое обряды? Обряды суть не иное что, какъ выраженіе отношеній общины къ исповѣдующему его догмату; это символы, въ которыхъ Церковь выражаетъ свое ученіе. Понятно, что какъ всякая форма должна соответствовать своему содержанию, такъ и обряды Церкви должны соответствовать содержимому ими ученію. Вотъ почему въ обрядахъ не должно быть ничего такого, что заключало бы въ себѣ хоть малѣйшую примѣсь лжи или ложнаго ученія. Но такъ какъ для выраженія всякой идеи можетъ быть пріискано нѣсколько формъ, то и обряды могутъ быть разнообразны. Будучи созданы духомъ свободнаго творчества, они могутъ измѣняться, но не иначе, какъ по суду Церкви. Церковь не только

вселенская, но и всякая помѣстная, не присваивая себѣ права догматическаго толкованія или ученія, имѣеть полное право измѣнять свои обряды и вводить новые, но при этомъ она должна строго наблюдать, чтобы эти измѣненія и нововведенія не ввели въ соблазнъ другія Церковныя общины; напротивъ, въ случаѣ возможности такого соблазна, она должна отступаться отъ своего мнѣнія и покоряться ихъ мнѣнью, дабы то, что въ одномъ невинно и даже похвально, не показалось виновнымъ другому и дабы братъ не ввелъ брата въ грѣхъ сомнѣнія и раздора. Единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинъ, ибо въ немъ проявляется, даже для непросвѣщеннаго, единство духа и ученія; для просвѣщеннаго же находится источникъ радости живой и христіанской. Вообще же, пока обряды не измѣнены Церковью они обязательны для ея членовъ, ибо въ ихъ соблюденіи радость святаго единства, христіанской любви; а любовь есть вѣнецъ и слава Церкви.

Раньше было замѣчено, что молитва, какъ свободный голосъ любви, должна быть свободна отъ всякаго мертвящаго ея формализма. Но свобода молитвы отъ формализма нисколько не исключаетъ возможности однообразія формы при разнообразіи ея видовъ. Установленное понятіе о единствѣ Церкви, требующее общенія ея членовъ въ молитвѣ, непременно предполагаетъ общественное богослуженіе, а общественное богослуженіе безъ существованія однообразной, вполнѣ законченной, формы невозможно. Собраніе въ одномъ мѣстѣ многихъ лицъ, произносящихъ про себя свои собственныя молитвы, не есть общественное богослуженіе. Общественное богослуженіе есть актъ молитвеннаго единенія многихъ душъ, выражающихъ свое внутреннее единство въ единой вѣшной формѣ.

Съ другой стороны, вполнѣ законченная, такъ сказать, классическая форма молитвы и пѣснопѣвній нисколько не стѣсняетъ свободы религіознаго движенія души.

Церковныя молитвы и пѣснопѣнія, какъ плодъ любви и вдохновенія лучшихъ ея сыновъ, выражаютъ въ себѣ голосъ всей Церкви, и поэтому въ нихъ каждый ея членъ находитъ то, чего жаждетъ, но что не всегда умѣетъ выразить его душа. Общественное богослуженіе своими готовыми классическими молитвами и пѣснопѣніями не только не стѣсняетъ свободы молящагося, но, напротивъ, выводитъ его изъ состоянія личной ограниченности, потому что затрогиваетъ, выражаясь образно, такія струны души, которыя, будучи предоставлены самимъ себѣ, быть можетъ, никогда не прозвучали бы. Общественное богослуженіе, такимъ образомъ, служитъ, такъ сказать, восполненіемъ той духовной неполноты, какою страдаетъ всякая отдѣльная личность въ своемъ одиночествѣ. Къ тому же нужно помнить, что существованіе готовыхъ молитвъ и пѣснопѣній не исключаетъ возможности появленія новыхъ. Исторія показываетъ, что Церковь всегда благосклонно относилась къ появленію новыхъ произведеній духовнаго творчества, если только они были плодомъ любви и религіознаго воодушевленія и если они соответствовали ея духу и своему назначенію.

В. Завиттлевичъ.